

Когда Янь Чи находился рядом с Шэнь Юйсю, он вёл себя не так, как обычно. То и дело он легонько касался носком ноги голени Шэнь Юйсю, то дергал пальцами его пояс, пока тот не ловил его руку и не прикусывал кончики пальцев, заставляя Янь Чи успокоиться от лёгкой боли.

— Древние любили созерцать ветер, цветы, снег и луну. Судя по сегодняшнему вечеру, они были правы.

С высокой площадки открывался вид на всю столицу. Даже на вершине горы чувствовалась праздничная атмосфера Нового года: повсюду висели фонари, раздавался гул барабанов и гонгов. Возможно, у городских ворот было много интересного.

На большой высоте становится холодно, и Янь Чи не успел насладиться красотой, о которой говорил Шэнь Юйсю, как холодный ветер заставил его чихать без остановки.

Его нос покраснел от мороза, длинные бледные пальцы прикрывали рот, пока он тихо кашлял. Хрупкая шея изгибалась, обнажая изящные линии. Шэнь Юйсю смотрел на него, замороженный.

Глаза Янь Чи были узкими и длинными. Когда он опускал веки, его ресницы, покрытые серебристым лунным светом, ложились на нижние века. Родинка у внешнего угла глаза действительно напоминала слезинку, вызывая жалость.

Шэнь Юйсю обнял Янь Чи за талию, его рука раздвинула складки одежды и коснулась нежной кожи, вызывая лёгкую дрожь у того, кто был у него в объятиях.

От его прикосновений Янь Чи обмяк, поднял руку, чтобы обнять Шэнь Юйсю за шею, и поцеловал его. Слюна смешивалась у них на губах, дыхание переплеталось, а белый пар окутал их лица.

— Мм...

Губа Янь Чи была искусана, он с лёгким упрёком ударил Шэнь Юйсю по спине, затем разжал пальцы и схватил его одежду на спине, суставы побелели от напряжения.

Белый халат упал на снег, и Шэнь Юйсю, крепко обнимая Янь Чи, медленно опустился на землю. Холод заставил Янь Чи напрячься, и даже определённое место непрерывно сжималось, плотно обхватывая.

— Сючжу... Сючжу...

Поцелуи Шэнь Юйсю покрыли всё тело Янь Чи, смешиваясь с холодным лунным светом и превращаясь в ярко-красный цвет.

На следующий день, вернувшись в особняк, Янь Чи схватил высокую температуру. Служанки и слуги суетились, то варя ему лекарства, то отправляясь в западную часть города за врачом. В доме Янь в ту пору было шумнее, чем во время празднования Нового года.

Сун Цзиньшу не мог ничем помочь, да и стоять в комнате Янь Чи, мешая служанкам ухаживать за ним, было неуместно. Услышав за дверью, как Янь Чи жалуется служанке, что хочет паровых пирожков, он поспешил на кухню.

Остатки муки с прошлого раза составляли десять лян. Сун Цзиньшу, надев фартук, занялся

готовкой. Повар несколько раз предлагал помочь, но Сун Цзиньшу отказывался, качая головой.

Когда Янь Чэн нашёл его, Сун Цзиньшу как раз лепил пирожки. Пять круглых, белых и пухлых изделий лежали на тарелке. Нос и лицо Сун Цзиньшу были испачканы мукой, из-за чего он похож был на котёнка, который украл еду.

— Готовишь еду для старшего брата?

Янь Чэн стоял за спиной Сун Цзиньшу и, видя, что тот его не замечает, с лёгкой обидой в голосе напомнил о своём присутствии.

Сун Цзиньшу вздрогнул и резко обернулся, чуть не столкнувшись с Янь Чэном.

Он положил пирожки в пароварку, тыльной стороной ладони потер зудящую левую щёку, но вместо того чтобы стереть грязь, размазал муку по всему лицу.

Янь Чэн с трудом сдержал смех, пальцем аккуратно стер муку с лица Сун Цзиньшу и поправил его волосы.

— Сегодня вечером за городскими воротами будет ярмарка. Хочешь пойти посмотреть?

Глаза Сун Цзиньшу загорелись, он чуть было не кивнул, но сдержался, украдкой взглянув на выражение лица Янь Чэна. Убедившись, что тот не шутит, он энергично закивал.

Он никогда ещё не бывал на ярмарке в столице. В прошлом году на праздник Фонарей он приехал с отцом в дом Янь, чтобы увидеться со старым господином Янем. Разнообразие вещей на ярмарке тогда ошеломило его.

К сожалению, тогда отец не задержался с ним в столице надолго. Быстро обсудив вопрос их брака, он увёз его обратно в деревню.

В следующий раз он приехал в столицу уже после смерти отца, когда выдался замуж за семью Янь. Каждый день он был занят делами больше, чем служанки, и не то что на ярмарку — даже выйти за пределы особняка Янь ему удавалось крайне редко.

Когда Янь Чэн предложил пойти на ярмарку, Сун Цзиньшу настолько обрадовался, что страх исчез. Отнеся готовые пирожки в комнату Янь Чи и выслушав его слова, он побежал обратно во двор, где они жили с Янь Чэном.

Янь Чэн, глядя на запыхавшегося Сун Цзиньшу с глазами, сияющими как луна, почувствовал укол совести, взял его за руку и повёл в дом.

Он никогда не задумывался о том, счастлив ли Сун Цзиньшу, запертый в четырёх стенах, хочет ли он этого. Только сегодня он осознал, что Сун Цзиньшу, возможно, всегда хотел увидеть мир за пределами дома.

Одежду Янь Чэн приказал приготовить в лавке тканей сразу после своего возвращения, подобрав её по размеру Сун Цзиньшу. Чувствуя огромную вину, он решил, что самым простым способом компенсации будет подготовить гардероб на все сезоны для Сун Цзиньшу.

Глядя на Сун Цзиньшу, завёрнутого в одежду словно в кокон и выглядывающего из неё испуганными глазами, похожими на глаза оленёнка, Янь Чэн не удержался и лёгонько прикусил его нос.

— Ай!

Сун Цзиньшу испугался, прикрыл нос и широко раскрыл глаза, беззвучно выражая недовольство поступком Янь Чэна.

Янь Чэн, почувствовав жар в нижней части живота, поспешно взял его за руку и повёл за ворота.

Проходя через передний зал, они увидели Ин Би, подметающую снег во дворе. Встретившись с её завистливым и злобным взглядом, Сун Цзиньшу инстинктивно спрятался за спину Янь Чэна.

Но Янь Чэн намеренно остановился перед Ин Би. Подождав, пока она неохотно поклонится и произнесёт: «Второй господин, молодой господин», он, довольный, повёл прочь Сун Цзиньшу, который едва не зарыл голову в землю.

За воротами свет постепенно угас, и они шли при лунном свете к городским воротам, где собралась шумная толпа.

Новогодняя ярмарка была живее, чем в любой другой праздник. Все прилавки были украшены красной тканью, по бокам висели фонари, которые слегка раскачивались на ветру.

Сун Цзиньшу едва успевал разглядывать всё вокруг. Свет фонарей отражался в его глазах, горя ярче звёзд на небе.

Мелкие безделушки на прилавках заставили кружиться голову. Сун Цзиньшу задержался на пару секунд у прилавка с фигурками из теста, но затем сделал вид, что ему всё равно, и пошёл следом за Янь Чэном.

В ста метрах впереди пожилая женщина продавала вонтоны. Янь Чэн подвёл Сун Цзиньшу к маленькому деревянному столику и заказал две порции вонтонов с креветками.

— Вонтоны здесь самые вкусные во всей столице. В детстве моя мама всегда водила меня сюда на ярмарку. Не думал, что спустя столько лет бабушка всё ещё здесь.

Пожилая женщина улыбнулась и пошла готовить заказ. Вода закипела, пар окутал её согбенную фигуру, разгоняя холод.

— Мне нужно в лавку впереди. Посиди здесь и спокойно жди меня.

Янь Чэн ущипнул Сун Цзиньшу за щеку, сунул ему в руку свой носовой платок с вышитым гербом дома Янь. Если бы Сун Цзиньшу случайно потерялся, он смог бы благополучно вернуться домой с помощью этого платка.

Сун Цзиньшу ничего не понял, но всё же сжал платок и послушно сел на стул, ожидая его.

Пожилая женщина принесла готовые вонтоны. Поскольку клиентов было мало, она освободилась и, видя доброе лицо Сун Цзиньшу, села напротив, чтобы поболтать.

— Тот господин — ваш супруг? — с доброй улыбкой спросила пожилая женщина, наблюдая, как Сун Цзиньшу добавляет в миску ложку солёных овощей. — Вы очень подходите друг другу.

Лицо Сун Цзиньшу покраснело от жара, он взглянул в ту сторону, куда ушёл Янь Чэн. Хотя его спина уже скрылась в толпе, ему всё равно было неловко.

— Мм, — Сун Цзиньшу не умел говорить, поэтому только кивнул, улыбаясь так, что глаза превратились в полумесяцы.

Пожилая женщина приняла его за застенчивого и продолжила болтать, рассказав даже о том, как в молодости встретила своего мужа.

Сун Цзиньшу слушал с интересом и доел целую миску вонтонов под её рассказы.

Ночь становилась всё темнее, и людей у ларька становилось больше. Пожилая женщина вытерла руки о фартук и пошла обслуживать клиентов. Только тогда Сун Цзиньшу осознал, что Янь Чэн ушёл уже довольно давно.

С соседнего прилавка доносились голоса тех, кто угадывал загадки. Сун Цзиньшу по-прежнему сидел на месте, жадно глядя в ту сторону и замороженно разглядывая фонарь в форме лотоса.

Когда Янь Чэн вернулся к ларьку с вонтонами, он увидел, что Сун Цзиньшу, похоже, встретил что-то забавное: он закрывал рот рукой и смеялся, щурясь от удовольствия.

Пурпурный свет падал на его лицо, отбрасывая тени и делая кожу белой, как снег, а лицо — словно выточенным из нефрита.

<http://bllate.org/book/16689/1531840>